DOI: 10.17976/jpps/2019.04.04

ФАКТОРЫ И ЛОГИКИ РЕКОНСТРУИРОВАНИЯ СМЫСЛА ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В УСЛОВИЯХ КОГНИТИВНОЙ И ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Е.С. Фидря

ФИДРЯ Ефим Сергеевич, кандидат социологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, email: EFidrya@kantiana.ru

Фидря Е.С. Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределенности. – Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 40-56. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.04

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 18-18-00442 “Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках”.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2019. Принята к публикации: 22.05.2019

Аннотация. В работе политический текст рассматривается как конструкт для обозначения субъектом своей позиции в политическом пространстве, оказания определенного социального эффекта в различных группах с целью мобилизации коллективной воли и действия, а также репрезентации коллективного интереса. Показано, как и какие структурные и ситуативные факторы, составляющие сложный контекст восприятия (включающий структурный баланс социальных и политических групп, культурно-символического пространства, состава участников коммуникации, а также имеющихся у них социально признанных ресурсов) влияют на интерпретацию смысла текста реципиентом. Приведена и рассмотрена модель коммуникации С. Холла, возможные способы кодирования и декодирования текста с точки зрения как его содержания, так и идеологических установок автора и аудитории. Отмечается, что в силу фундаментальных особенностей социальной коммуникации и автор, и реципиенты текста находятся в ситуации постоянной когнитивной и интерпретативной неопределенности, ситуативные факторы не искажают смысл, а способствуют его конструированию и его последующей интерпретации, в ходе которой происходит взаимодействие логик участников, их структур, ресурсов и контекста коммуникации. В работе рассматривается конструирование текста и последующее реконструирование его смысла как активный процесс согласования участниками коммуникации значения собственно текста и его культурного, социального, структурного, прагматического, политического контекста, осуществляемый субъектами в условиях неопределенности. В модели отражены процесс и факторы производства текста и восприятия его смыслов. Показано, что и интерпретация смысла политического текста, и положение участников коммуникации в первую очередь зависят от претензии на обладание ими общественного, политического и социального капитала как ресурсов, обеспечивающих мобилизацию коллективной воли и представление интересов. Показана роль диспозитивов (как контекста коммуникации), позволяющих регулировать когнитивную неопределенность и определять соответствующий порядок квалификации.

Ключевые слова: политический текст, неопределенность, политическая коммуникация, логики обоснования ценности, политический капитал, диспозитив.

Любой политический текст (в расширенном его понимании) сам по себе представляет довольно сложный конструкт, включающий несколько смысло-

вых и знаковых слоев, конструируемый как для обозначения субъектом своей позиции в политическом пространстве, так и с расчетом на оказание определенного социального эффекта в различных группах. Однако с точки зрения политической социологии и социальной семиотики собственно политический текст – только одно из звеньев многоуровневого процесса политической коммуникации, включающего в себя и уже упомянутый процесс конструирования текста, и "медиа" – средство передачи сообщения, и конечную целевую аудиторию, расшифровывающую данное сообщение в зависимости от своих установок и предпочтений, а также характеристик и автора, и медиа. Ситуация осложняется тем, что реконструируемый и считываемый смысл сильно зависит от множества как структурных, так и ситуативных факторов, составляющих крайне сложный контекст восприятия, и даже аудитория-реципиент не всегда тождественна "целевой аудитории" (а как правило – практически никогда) – в расшифровку смыслов вовлекаются и те группы, которым это сообщение изначально не предназначалось, и они также активно вступают в политическую коммуникацию, обмен смыслами и согласование содержания текста, в ходе которого смысл и значение политического текста могут (в зависимости от структурного баланса социальных и политических групп, культурно-символического пространства, состава участников коммуникации, а также имеющихся у них социально-политических ресурсов) кардинальным образом меняться [Гаман-Голутвина 2016: 87-88], вплоть до смены модальности публичного дискурса в течение относительно короткого промежутка времени. По сути, однажды созданный политический текст становится частью практически бесконечного процесса политической коммуникации между различными социально-политическими субъектами.

В силу сложности этого феномена существующие модели зачастую концентрируются на собственно конструировании смысла автором текста и его реконструировании реципиентом, иногда включая в это "уравнение" средство политической коммуникации. Часто в таких моделях изначальный замысел конструктора текста воспринимается как нечто чистое и объективное, что подвергается разного рода подстройкам и искажениям, во-первых, в ходе формулирования текста и "приспособления" его к особенностям медиа и целевой аудитории, а во-вторых, в ходе восприятия и осмысления текста самой аудиторией, которая "искажает" исходный смысл.

Нам же, напротив, представляется, что в силу важных фундаментальных особенностей социальной коммуникации и автор, и реципиенты текста находятся в ситуации постоянной когнитивной и интерпретативной неопределенности, и различные ситуативные факторы не только не искажают, но и всячески способствуют конструированию смысла, а также его последующей интерпретации, создают для этого необходимую опору.

Тем не менее мы не утверждаем, что политическая коммуникация носит исключительно ситуативный характер – наоборот, она подчиняется довольно строгой логике (точнее – логикам), которые создают мотив и основу политической коммуникации, а также структурируют процесс интерпретации и реинтерпретации смысла текста. Именно это взаимодействие логик, структуры участников, их ресурсов и контекста политической коммуникации представляется нам наименее изученным и поэтому помещено в центр нашего анализа. В данной статье предлагается рассмотреть конструирование политического текста и последующее реконструирование его смысла как активный процесс согласования значения собственно текста и его культурного, социального,

структурного, прагматического, политического контекста, осуществляемый субъектами в условиях неопределенности.

Неопределенность и политическая коммуникация

Неопределенность (как непознаваемость и непредсказуемость реальности человека) – имманентное свойство любой коммуникации между социальными субъектами, в силу недетерминированности человеческого поведения и его непредсказуемости для других [Гирц 2004: 86]. Для управления неопределенностью человеческие сообщества вырабатывают сложные устройства согласования восприятия реальности и координации поведения [Фидря 2011: 108], порождающие в социальном пространстве вторичную неопределенность, регулируемую социальными отношениями, подчиняющими неопределенность логикам, связанным с распределением социально признанных и оформленных благ (капиталов), служащих и ресурсом в социальной борьбе, и ключевой наградой [Бурдье 2004; 2005].

Жизнедеятельность социальных субъектов и, в частности, коммуникация предполагают столкновение с различными типами неопределенности [Dequech 2003], имеющими разную природу в зависимости от того, какого типа благ они касаются – средств и условий существования, распределения дефицитных ресурсов, власти, знания и пр. Любая коммуникация предполагает наличие когнитивной и интерпретативной (символической) неопределенности, где первая касается неопределенности познания окружающей среды и предсказания событий (с последующей выработкой успешных адаптивных стратегий), а вторая – достоверности полученного знания и его релевантности ситуации. При этом в ситуации неопределенности находятся и автор, и реципиент текста: в условиях принципиально ограниченной информации обоим надо учитывать структурное положение друг друга, характеристики медиа (в широком смысле – как посредника коммуникации), информационный и культурно-символический контекст, причем как в момент конструирования текста, так и в динамике его восприятия.

К неопределенности когнитивной и интерпретативной в ситуации политической коммуникации добавляются как минимум политическая (т.е. неопределенность относительно мобилизации и координации коллективных интересов и воли, а также идентификации и репрезентации коллективных интересов), а чаще еще и административная (неопределенность установления контроля над ограниченными благами и действиями других). Каждая из неопределенностей порождает специфический тип проблемы и логику ее решения, а также набор социальных устройств (объектов, институтов, организаций, капиталов), которые обеспечивают регулирование неопределенности, категоризируя ее, объективируя, преобразуя в просчитываемый риск. Каждый из этих типов отношений подчиняется и определенной логике, ибо "каждая форма координации позволяет акторам справляться с конкретным видом неопределенности" [Thévenot 2002: 193].

Расширенная модель коммуникации

Британский социолог, теоретик культуры Стюарт Холл предложил доработанную версию собственной модели коммуникации, воспользовавшись концепцией кодирования (*encoding*) и декодирования (*decoding*) текста [Hall 1980]. Согласно этой модели, "кодирование" включает производство сообщения, представляющего собой систему закодированных смыслов, а для этого автор сообщения сначала должен представлять себе, каким образом целевая аудито-

рия воспринимает мир. Тогда автор сможет с помощью вербальных (читай – текстовых, включая визуальные документы) и невербальных (жесты, мимика, голос) символов сконструировать свое сообщение, ориентируясь в том числе и на цель сообщения (в том же смысле, как и классическое веберовское "социальное действие"). Декодирование сообщения подразумевает его восприятие аудиторией и реконструирование смысла членом этой аудитории в соответствии с собственными представлениями – т.е. расшифровку смыслов путем присвоения значений символам и интерпретации сообщения в целом. При этом, разумеется, не гарантируется совпадение кодируемого и декодируемого смысла.

Вместо критикуемой "традиционной" линейной модели массовой коммуникации (отправитель – сообщение – получатель) Холл предложил рассматривать обмен смыслами как дискурсивную цепочку, включенную в социальные отношения и содержащую четыре основных фазы: производство, циркуляцию, распространение/потребление и воспроизведение [ibid.: 91]. Каждая из этих фаз не просто нелинейна, а автономна, и осуществляется социальными субъектами, связанными между собой соответствующими отношениями и социальными практиками, что также оказывает влияние на процесс обращения смыслов. На каждой из этих фаз, в зависимости от социальных отношений и практик участников коммуникации, а также ее инструментов, сообщение будет подвергнуто обработке. После того, как сложится дискурс, он транслируется в социальные практики.

На фазе производства текста автор принимает в расчет (не обязательно следуя им напрямую) доминирующие в обществе идеи, убеждения и ценности, а также разнообразные социальные и технические аспекты – принятые способы и формы конструирования текстов, собственные профессиональные навыки и установки, представления о целевой аудитории, а также "чужие" влияния – повестку, темы, определения ситуации и образы аудитории.

Как мы видим, уже на этапе конструирования текста и его смысла в процессе участвует не только сам автор, но и множество других субъектов коммуникации, в том числе непосредственно не принимающих участие в создании и передаче конкретно данного текста, но участвующих в общем поле производства и воспроизводства смыслов – в данном случае в политических текстах. Кроме этого социального контекста (в нашем случае это в первую очередь политики, журналисты и целевая аудитория, которые при этом неоднородны и находятся в структурных отношениях между собой), существует информационный, событийный, материальный и технический аспекты. Любое значимое событие повлияет на то, как изменится политический дискурс участников этого поля; любое заметное информационное освещение данного события повлияет на то, как участники коммуникации будут конструировать свои интерпретации этого события и чужих интерпретаций; любое высказывание или действие политического субъекта, а также его интерпретации повлияют на последующие интерпретации и т.д.

Согласно Холлу [ibid.: 134], интерпретируемые знаки имеют полисемантическое (но не плюралистическое) значение в зависимости от кодов, с помощью которых они расшифровываются: знаки помещаются в дискурсивные сферы, которые находятся между собой в иерархических отношениях, отражая модели институционального, политического и идеологического порядка. И хотя существует множество дискурсивных сфер, есть "доминирующий культурный

порядок" и, соответственно, "предпочтительное прочтение" и интерпретация "предпочтительных смыслов". Снова подчеркнем, что это не означает одностороннего характера коммуникации и прочтения текста – скорее, речь идет о довольно творческом (без кавычек) акте интерпретации и связывания значения текста с доминирующим дискурсом, его понятиями и категориями [ibid.: 135]. Таким образом, процесс коммуникации представляет собой два акта – кодирования и декодирования, где на первом автор задает рамки, но не определяет код, с помощью которого текст будет расшифрован на этапе декодирования, так что между этими двумя актами есть некоторое соответствие, но оно не является естественным, а конструируется в ходе коммуникации [ibid.: 136].

В итоге Холл выделяет три возможных позиции декодирования: доминирующая (восприятие смысла осуществляется так, как и было задумано автором), согласованная (доминирующие определения в целом принимаются, однако интерпретация привязывается к локальному контексту и ситуативным правилам) и оппозиционная (определения и смыслы отвергаются и создается собственная интерпретация). Несмотря на удобство этой типологии и ее широкое применение в эмпирических исследованиях, она нечетко определяет ситуацию "оппозиционной" трактовки – имеется ли в виду оппозиция по отношению к доминирующему коду, к конкретному СМИ или к смыслу текста, который может быть воспроизведен оппозиционными медиа?

Интересно, что сам Холл фактически оставил лишь один вариант кодирования – доминирующий, рассматривая в качестве переменных только позиции декодирования. Однако очевидно, что СМИ не конструируют сообщения согласно единой идеологии. Свен Росс [Ross 2011] предложил расширенную версию данной модели, которая предполагает два набора из девяти возможных комбинаций позиций кодирования и декодирования – по отношению к идеологии (см. табл. 1) и к восприятию собственно текста (см. табл. 2).

Таблица 1 (Table 1)

Комбинации кодирования и декодирования по отношению к идеологии

Sets of Encoding and Decoding Combinations vis-à-vis Ideology

		Позиции кодирования		
		Доминирующая	**Согласованная**	**Оппозиционная**
Позиции декодирования	**Доминирующая**	Доминирующее прочтение доминирующего текста	Доминирующее прочтение согласованного текста = Нейтрализация	Доминирующее прочтение оппозиционного текста = Нейтрализация
	Согласованная	Согласованное прочтение доминирующего текста	Согласованное прочтение согласованного текста	Согласованное прочтение оппозиционного текста
	Оппозиционная	Оппозиционное прочтение доминирующего текста	Оппозиционное прочтение согласованного текста = Усиление критики	Оппозиционное прочтение оппозиционного текста = Согласие

Как мы видим, в первом случае и медиа занимают разные идеологические позиции (например, при конструировании политического сообщения), и аудитория может воспринимать сообщение, исходя из различных политических установок – таким образом, критичный сюжет в оппозиционном медиа,

"прочитанный" с доминирующей точки зрения, будет нейтрализован, а прочтение оппозиционного текста "оппозиционными" глазами подразумевает согласие с ним и принятие оппозиционной идеологии.

Таблица 2 (Table 2)

Комбинации кодирования и декодирования по отношению к восприятию текста
Sets of Encoding and Decoding Combinations vis-à-vis Perception of the Text

		Позиции кодирования		
		Доминирующая	**Согласованная (частично критичный текст)**	**Оппозиционная (радикальный текст)**
Позиции декодирования	**Принятие текста**	Согласие с доминирующим текстом	Согласие с согласованным текстом	Согласие с оппозиционным текстом
	Согласование текста	Согласование доминирующего текста	Согласование согласованного текста	Согласование оппозиционного текста
	Оппозиция тексту	Оппозиция доминирующему тексту	Оппозиция согласованному тексту	Оппозиция оппозиционному тексту = Нейтрализация

Во втором случае уже рассматривается отношение к содержанию текста, а не общая идеологическая установка реципиента. Таким образом, "оппозиционное" прочтение оппозиционного текста означает несогласие именно с содержанием текста и нейтрализацию его смысла.

Почему аудитория принимает ту или иную идеологическую позицию? Каким логикам подчиняется конструирование политического текста и реконструирование его смысла? На что опираются участники коммуникации при кодировании и декодировании, что составляет тот самый "контекст" для акта коммуникации? Что определяет представления об "идеологии" участников коммуникации? Ответы подразумевают скорее детальный анализ социально-структурного контекста, чем собственно коммуникации. Для этого обратимся к концепции социального пространства, связанным с ними понятиям множественных форм капитала, логик неопределенности и соответствующих диспозитивов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Все социальные субъекты, участники коммуникации находятся в социальном пространстве, которое составляет активный контекст конструирования сообщений, обмена ими и реконструирования их смыслов. Под активным контекстом подразумевается, что социальное пространство не остается лишь фоном для коммуникации самостоятельных индивидов, а обусловливает ее реализацию и содержание. В целом социальное пространство составляют социальные поля, образованные вокруг распределения дефицитных ресурсов (капиталов) и борьбы за них, отличающиеся характерными для себя принципами распределения ресурсов и влияния в этом поле, и структура таких полей (и всего социального пространства) зависит от принципов распределения капиталов, наличия их у социальных агентов и отношений между участниками "борьбы за капиталы" в рамках данного поля. В зависимости от обладания ресурсом, определяющим "расстановку сил" внутри данного поля, и возможности задавать его конфигурацию, все участники борьбы находятся

между собой в иерархических отношениях. Разумеется, все социальные агенты одновременно находятся в различных полях, и в их "портфель капиталов" входят разнообразные ресурсы, которые применяются ими в социальных взаимодействиях и составляют объем их потенциальной "власти".

Отдельное внимание П. Бурдье уделял символическому капиталу (как легитимному, т.е. официально признанному праву на производство мнений и утверждение видения социального мира) и отношениям, связанным с его распределением между социальными агентами, в полярном варианте сводимых к двум стратегиям [Бурдье 2007: 28] – "официальной номинации" и "оскорблению". Первая стратегия является "актом символического внушения", осуществляемым лицом, наделенным государством правом на символическое насилие, а вторая – попыткой частного лица внушить собственное мнение. Как мы видим, эти символические стратегии сходны с понятиями "доминирующего" и "оппозиционного" кодирования С. Холла, при этом не только не исключая промежуточных стратегий "согласования", но и показывая, как агенты коммуникации могут манипулировать своими символическими признаками, увеличивая или сокращая дистанцию от "официальной" позиции [там же: 30] и тем самым либо подчеркивая свое право на символическое насилие, либо дистанцируясь от официальных институтов и тем самым демонстрируя свою независимость и объективность. В первом случае социальные агенты прибегают к "официальным номинациям" – дипломам, званиям, степеням, должностям в государственных структурах и пр. – т.е. институционализированным и формализованным признакам "официального" признания. Во втором случае агенты пытаются подчеркнуть дистанцию, отказываясь от государственных премий и постов в официальных структурах, определяя себя через более "общие" группы (например, "эксперт", "политолог", "политический обозреватель"). При этом агенты стараются выдержать баланс так, чтобы обобщенный класс, к которому они себя относят, имел более высокий статус, чем их конкретная номинация. Например, позиция "политического обозревателя" в поле публичной политики выглядит престижнее, чем "журналиста газеты *N*". Более высокое положение, занимаемое в конкретном поле, дает агентам больше возможностей участвовать в переопределении так называемых легитимных принципов деления поля – оставаясь внутри поля, подчиняясь его общей логике, принимая правила игры и конечный "приз" (тот или иной капитал, за который идет борьба), пытаться переопределить принципы распределения капитала так, чтобы занять более высокое положение и навязать свое в*и*дение мира.

Особенность политической коммуникации еще и в том, что в данном субполе символического производства агенты не просто воспроизводят или трансформируют категории восприятия социального мира, а фактически борются за номинации социально-политических групп, и потенциально – за их репрезентацию и мобилизацию [Gaman-Golutvina 2018]. Как утверждает Бурдье, гомологичные (однородные) позиции в социальном пространстве порождают у социальных агентов общие предрасположенности восприятия, оценивания и действия (т.е. габитус). То есть, не являясь абстрактной номинацией, класс предстает "как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи помещены в сходные условия и подчинены сходным обстоятельствам, имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами и, следовательно, производить сходные практики и занимать сходные позиции" [там же: 17]. Группы социальных

агентов со схожими позициями в социальном пространстве не являют собой "реальных" социальных классов, но могут быть сконструированы как таковые в ходе политической коммуникации и мобилизованы к коллективному действию – и, следовательно, любой политический текст решает в том числе и эту задачу по номинации социальной группы, апелляции к ее диспозициям и интересам (претензия на их репрезентацию) и мобилизации ее на действие (политическое действие или высказывание). Подчеркнем, что такие "мобилизованные" социальные группы "не существуют как реальные группы, несмотря на то, что они объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации и даже профсоюзные или политические 'движения'" [там же: 18].

Суммируя, можно заключить, что в ходе политической коммуникации и автор политического текста, и его реципиенты так или иначе обращаются к доминирующему дискурсу, либо утверждая его, либо пытаясь "подорвать", либо согласовывая с более локальным контекстом – и таким образом осуществляют работу по символическому воспроизводству социального мира. В случае с доминирующим кодом социальные агенты, обладающие большим объемом символического капитала и владеющие "официальным" правом на символическое насилие, пользуясь своим символическим ресурсом, выполняют работу по легитимации доминирующего дискурса и видения социального мира, и в случае успеха обеспечивают воспроизводство своего доминирующего положения в поле символического производства. Агенты, занимающие подчиненное положение в поле символического производства, находятся в оппозиции к доминирующей идеологии и при помощи оппозиционной стратегии и дискурса "независимости", "правды" и "объективности" подрывают "официальное" в*и*дение социального мира, пытаясь утвердить свою картину и тем самым увеличить объем собственного символического капитала и занять доминирующее положение в поле символического производства.

Хорошей иллюстрацией этой символической драматургии выступают те политические ток-шоу, где в студии присутствуют одновременно представители и доминирующего, и оппозиционного дискурса, обладающие всеми характерными признаками, позволяющими распознать их как таковых. В ходе дискуссии за право на символическое определение конкретной ситуации или утверждение позиции по какому-либо вопросу обе стороны разворачивают свою аргументацию для массового зрителя/слушателя, и в ходе по возможности острого символического конфликта с однозначным исходом происходит легитимация символического в*и*дения социального мира. Отдельный интерес представляют технические детали – инструменты легитимации и репрезентации аудитории, такие как реакция зрителей в студии (аплодисменты или неодобрительный гул), интерактивное голосование за конкурирующие позиции или субъектов, их персонализирующих, появление в режиме онлайн комментариев зрителей или слушателей, подчеркивающих постоянное присутствие в символическом поле и живой отклик тех, на кого эта символическая борьба и направлена.

В реальности аудитория также "прочитывает" предъявленный политический текст неоднородно – в зависимости от положения социальных агентов в социальном пространстве. И те социальные агенты, позиция которых в своих полях и субполях гомологична (структурно сходна) позиции субъектов символического производства, склонны ("предрасположены", если следовать терминологии П. Бурдье) воспринимать и интерпретировать политический

текст "буквально", как соответствующий собственной символической конструкции социального мира, и отвергать либо критиковать символические конструкты, производимые "структурными оппонентами". Каким образом осуществляется "разметка" и декодирование текста с точки зрения положения воспринимающих агентов в социальном пространстве и располагаемых ими социальных ресурсов (капиталов), мы рассмотрим далее.

ЛОГИКИ И КАПИТАЛЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Как мы показали выше, политическая коммуникация в основном касается структуры поля власти и поля символического производства и распределения политического и символического капитала между участниками этого процесса. Кроме того, и "авторы", и "реципиенты" (если рассматривать процесс коммуникации схематично) политического текста приобретают в случае легитимации своей картины социального порядка и некоторый культурный капитал (как способность вырабатывать успешные социальные адаптивные стратегии), не говоря уже о возможностях конвертации полученных ресурсов в экономический и социальный капиталы.

Однако легитимация символического представления социального порядка возможна лишь при условии, что представленный текст будет воспринят в контексте той логики, в которой он сконструирован (и далее будет подвергнут интерпретации в соответствии с доминирующим, согласованным или оппозиционным кодом). Между тем, как мы писали в первом разделе, конструирование и реконструирование смысла политического текста всегда проходит в условиях когнитивной и интерпретативной неопределенности – иными словами, помимо неопределенности относительно массы социальных условий производства смысла, все участники коммуникации изначально не знают, какой логике подчиняется тот или иной текст, следует ли его интерпретировать как политический, символический, социальный?.. Нацелен ли он на трансформацию или легитимацию социального порядка, трансформацию баланса власти, мобилизацию или перераспределение коллективной воли, подчеркивает ли он выражение коллективного интереса и принадлежность субъекта к той или иной социальной группе? Как проявляют себя различные логики и как субъекты коммуникации квалифицируют тексты?

Концепция порядков обоснования ценности (Л. Болтански и Л. Тевено) подразумевает, что люди взаимодействуют друг с другом путем различных режимов обоснования, опираясь на некие общие принципы, легитимные формы оценки сложных ситуаций и действий [Thévenot 2002]. Каждый объект, человек или действие могут быть оценены и подвергнуты критике с точки зрения этих общих принципов, и каждый из данных наборов объектов, связанных с различными высшими общими принципами (общеизвестными и общепризнанными), образует связный и самодостаточный мир [Boltanski, Thévenot 2006: 40]. Болтански и Тевено выделяют шесть таких "миров" (рыночный, домашний, индустриальный, гражданский, вдохновения и известности). Каждый из них структурируется на основе специфической логики и порядка обоснования ценности.

Так, в "рыночном" мире люди рассматриваются как индивиды, фактически атомизированные, не вовлеченные в эмоциональные отношения с другими, стремящиеся удовлетворить свои желания и вступающие в деловые и конкурентные отношения для обладания дефицитными благами, а ведущим критерием оценки становится цена и богатство.

В "домашнем" мире люди вовлечены в асимметричные взаимозависимости с другими акторами. Их отношения персонализированы, объем, ценность и уникальность потенциально мобилизуемых обязательств (социального капитала) определяют их место в иерархии, а приверженность традициям определяет степень "лояльности" и регулирует неопределенность относительно предсказуемости поведения и его соответствия нормам.

Логика "гражданского" мира, наоборот, оценивает людей безотносительно их личных качеств и межличностных связей, а "отношения эквивалентности могут быть установлены между индивидами постольку, поскольку они все принадлежат к одному коллективу, который включает и превосходит (*transcend*) их" [ibid.: 185]. Коллектив рассматривает себя и действует как нечто единое, "принципиальный режим отношений в этом мире – это связь, которая позволяет превратить множество индивидов в единую личность" [ibid.: 191]. Это возможно, когда все члены коллектива убеждены в приоритетности общего блага и действуют от имени коллективной воли и общих интересов, подчиняя им свои личные. Индивидуумы в рамках гражданской логики равны, а предпочтение одного члена коллектива другому на основе личных мотивов недопустимо, даже если их связывают дружеские или родственные отношения. В таком деперсонализированном контексте доверие и взаимные обязательства как бы распределены по всему коллективу.

Как видим, отношения между этими двумя логиками – гражданской и домашней – противоречивы. В то время как "гражданская" логика – уравнительная, обезличенная и непредвзятая, "домашняя" персонализирована и опирается на межличностные взаимозависимости. Невозможно квалифицировать ситуацию, действие или текст с точки зрения обеих логик одновременно. Болтански и Тевено описывают антагонизм между этими логиками. В частности, с точки зрения домашней логики гражданскую можно раскритиковать за недостаток личной ответственности, преобладание ассоциативных связей в ущерб теплоте и близости личных отношений. В свою очередь, с точки зрения гражданской логики домашнюю можно обвинить в патернализме, авторитарности и пренебрежении общим благом в угоду "семейственности", а рыночную – в поощрении погони за личной корыстью в ущерб коллективным интересам. Именно на гражданской логике основывается политический капитал – и политический текст. Квалификация ситуации или текста предполагает его политическую оценку с точки зрения репрезентации коллективных интересов и мобилизации общей воли.

Любой капитал может находиться в трех состояниях – инкорпорированном, объективированном и институционализированном [Бурдье 2004]. В инкорпорированном состоянии капитал имеет форму "длительных диспозиций ума и тела", т.е. "встроенных", устойчивых предрасположенностей восприятия, оценивания и действия. Объективированное состояние подразумевает принятие капиталом "материальных", вещественных форм, доступных наблюдению, отчуждению и передаче. Институционализированное состояние капитала включает в себя объективированные формы "признания" обществом капитала ресурсом.

Гражданская логика порождает особый вид капитала: в своей инкорпорированной форме этот "общественный капитал" предстает в виде способности подчинять личную волю коллективным интересам и общей воле. Он также проявляется в таких диспозициях, как бескорыстность, честность, общественная полезность, ответственность, альтруизм и (в пределе) самопожертвование – иными словами, готовность рассматривать других акторов (и индивидов, и коллективы) как членов коллективной сущности.

Общественный капитал объективируется (т.е. наблюдается и передается) в форме социальных и правовых статусов, закрепляющих отношение индивида к коллективной сущности (степень вовлеченности в общественную жизнь и защиту общих интересов) и предоставляет набор общественных благ. Примеры этих статусов – гражданство, членство в общественных организациях, пенсионный статус, государственные награды и пр.

Наконец, в институционализированной форме общественный капитал существует в виде различных общественных прав. Зачастую они формализованы в нормативных актах, но это не является обязательным условием, поскольку многие подобные блага общество считает естественными. Чем большими правами наделен индивид или группа, тем больше объем их "общественного капитала", который может быть конвертирован в различные общественные блага, т.е. в производство и воспроизводство прочих видов капитала – пособия, стипендии (экономический), бесплатное образование (культурный), медицинское обеспечение (физиологический), право голоса (политический) и т.д.

Таким образом, общественный капитал регулирует неопределенность достижения коллективного блага и поэтому базируется на гражданской логике, которая уравнивает всех членов коллективной сущности в их обязательствах преследования общего интереса и подчинения себя общей воле. Этот капитал должен отделяться от социального, поскольку основан на совершенно иной (даже антагонистической) логике.

В контексте рассматриваемого вопроса наиболее интересной нам представляется еще одна форма капитала – политический капитал. Он также основан на гражданской логике и отвечает на вторичную (производную) неопределенность, касающуюся отношений между коллективными сущностями. Поскольку они не могут взаимодействовать друг с другом непосредственно, возникает неопределенность относительно того, как коллективные интересы и воля будут представлены, рассмотрены, обсуждены и реализованы. Более того, даже для членов одного коллектива репрезентация его интересов и воли представляет проблему: чтобы эти интересы стали доступны для "коллективной саморефлексии" и самоидентификации, требуется адекватное их воплощение и представление. Именно через политический капитал данная проблема получает решение.

Сам термин "политический капитал" можно найти в нескольких работах (например [Bourdieu 1991; Радаев 2003]). Бурдье не дает четкого определения политического капитала, связывая его с монополией на пользование объективированными инструментами власти (закон, армия, полиция и пр.), которая основана на монополизации права производства правил структурирования социального мира. Политические субъекты могут получить это право от больших групп, многочисленные члены которых "узнают себя" в этих политических субъектах и признают за ними право представлять свои интересы. И сила субъектов, действующих в политическом поле, зависит не от их программы, а от мобилизующего эффекта, который они могут произвести. Политический капитал подчиняется той же гражданской логике, что и общественный капитал, поскольку политические субъекты должны подчинять свои интересы и волю коллективу, чьи интересы и волю они выражают. Указание на эту мысль можно найти в работе Болтански и Тевено "*On Justification*": "Репрезентация дает власть внутри организации и наделяет возможностью отправлять власть" [Boltanski, Thévenot 2006: 186], и хотя здесь авторы рассматривают организации, а не большие группы, данная логика может быть распространена и за пределы организаций.

Для того чтобы получить политический капитал, накапливать и воспроизводить его, субъект должен следовать логике равенства и справедливости, преследовать коллективные интересы в ущерб личным. Любой инцидент, в котором политический субъект действует в интересах другого индивида или малой группы (т.е. действует в логике межличностных обязательств и личной пользы) в ущерб коллективу, который наделил его политическим капиталом, серьезно подрывает признанное право на представление коллективного интереса. Напротив, чем больше политический субъект воспринимается как типичный представитель большой социальной группы, чем ближе его образ по своим характеристикам к образу представляемой группы ("один из нас") – т.е. чем больше он "равен" представляемой группе, тем больше объем его политического капитала. В свою очередь, политический капитал может быть конвертирован в другие формы – например, в административный, позволяющий распределять ресурсы, которыми обладает представляемая группа, определять нормы допустимого поведения и пр. Таким образом, политический капитал может быть определен как мобилизация коллективного действия и репрезентация коллективных интересов.

В своей инкорпорированной форме политический капитал предстает как индивидуальная способность представлять и защищать коллективные интересы и волю. Индивидуальные диспозиции политического капитала проявляются в лидерстве, внешних и поведенческих признаках сходства с представляемой группой.

Объективированной формой политического капитала, его "материальным" воплощением должны быть наблюдаемые, измеримые и частично передаваемые формы. Политический капитал часто ассоциируется с конкретным лидером или небольшой группой, демонстрирующей релевантные диспозиции и качества, так что его передача затруднена. Однако можно уверенно предположить, что политический капитал объективируется в политических партиях, социальных движениях, массовых собраниях, региональных филиалах и пр. "объектах", которые позволяют "увидеть" объем политического влияния и "представительность" политического субъекта. Кроме того, в принципе возможна передача формального руководства партией или общественной организацией, а также, например, части голосов более успешному кандидату, прошедшему во второй тур.

Институционализированная форма капитала предполагает его признание как ресурса в некоей объективной форме. Следовательно, институционализированная форма политического капитала включает в себя различные формы измерения мобилизации коллективного действия и репрезентации коллективных интересов. В частности, сюда можно включить политические рейтинги, проценты полученных голосов, отражающие признанную измеримую репрезентацию коллективных интересов, а также число людей, принявших участие в политическом событии – т.е. мобилизованных для коллективного действия. Эти формы политического капитала институционально признаны как выражение реальной мощности политического субъекта, и не случайно именно за эти цифры и их легитимацию зачастую идет наиболее ожесточенная символическая борьба.

Политический капитал – это социальный ресурс, позволяющий группе "аккумулировать" свою коллективную волю и интересы и "персонализировать" их в некоем политическом субъекте (индивидуальном или групповом). Политический капитал позволяет решить проблему неопределенности мобилизации коллективных действий и репрезентации коллективных интересов – как для репрезентирующего субъекта, так и для представляемого коллектива. Он наделяет субъект властью, достаточной для оказания влияния на конституирующие

принципы социальной реальности, в противном случае невозможного, и таким образом позволяет "сублимировать гражданскую войну" [Bourdieu 1991: 181] – переводит противоречивые интересы социальных групп в форму символической борьбы в общественном пространстве, где каждый член коллектива может наделить политический субъект правом выражать свои интересы, структурируя поле власти и символического производства в соответствии с доминирующей волей.

ДИСПОЗИТИВ И УПРАВЛЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ

Каким образом субъекты квалифицируют ситуации, определяя, какую логику применять для анализа ситуации и реконструирования смысла текста, а затем и для обоснования своего видения в том случае, когда между принципами квалификации возникает конфликт?

Согласно теории конвенций, при идентификации ситуации и ее компонентов субъекты опираются на "диспозитивы" – своеобразный набор объектов, которые могут составлять сложные ансамбли, находиться во взаимосвязи с субъектами и образовывать вместе с ними согласованные ситуации [Болтански, Тевено 2013: 225], тем самым способствуя квалификации участников и компонентов коммуникации и идентификации релевантного принципа оценивания. В данном случае под компонентами диспозитивов подразумеваются не только материальные, но и нематериальные объекты, как объективированные, так и инкорпорированные – главное, чтобы они позволяли квалифицировать ситуации.

Р. Келлер, рассматривая понятие диспозитива в своей работе, посвященной приложению социологии знания к анализу дискурсов, указывает, что диспозитив сочетает в себе "институциональную основу, сумму всей материальной, практической, персональной, когнитивной и нормативной инфраструктуры производства дискурса, а также инфраструктуры реализации (*implementations*), возникающие из дискурсивно конфигурированных проблематизаций в поле практики" [Keller 2012: 65]. Институциональную часть диспозитива образуют, в частности, агенты, производящие и легитимирующие символические конструкты и принципы видения мира – эксперты, спикеры, журналисты, исследовательские центры и ученые, издающие и распространяющие свои заявления, печатные материалы, статьи и пр. "Инфраструктура реализации", в свою очередь, будет включать нормативные акты, формализованные процедуры, технологии и специализированные объекты, нормы и санкции, а также, наконец, сами поведенческие практики, которым субъекты могут следовать или не следовать. Таким образом, диспозитив связывает дискурс и поле практики, позволяя производить обоснованные квалификации ситуаций, извлекать из этого прагматический смысл и совершать практические действия.

В случае политической коммуникации, которая подчиняется гражданской логике, принципам независимости, коллективности и беспристрастности, выражения коллективного интереса и мобилизации коллективной воли, компонентами диспозитива, позволяющими "узнать" соответствующую логику и оценить коммуникацию как "политическую", выступают коллективные лица (или их представители) – органы управления общественных и политических организаций, партии, общественные группы и движения, секции, представительства, бюро и комитеты, наконец, персонально депутаты, делегаты, члены партий, организаций и движений, активисты. Наличие указания на подобный статус у одного из объектов коммуникации (визитка,

представление, указание статуса субъекта в СМИ) позволяет квалифицировать его прежде всего как политического актора, вступать в коммуникацию, реконструировать ее смыслы в логике политического текста.

Квалифицировать ситуацию также помогают и сопутствующие институциональные формы гражданского мира ("законные формы"), обеспечивающие признание и узнавание общественного и политического – права, законодательство, формальные акты и указы, формальности, процедуры и протокол, электоральные права, кодексы, избирательные округа и списки, политические программы, политический курс, а также материальные, объективированные формы "гражданского мира" – политические плакаты, брошюры, листовки, лозунги, бюллетени, штаб-квартиры кандидатов и партий, общественные приемные, членские билеты. Политический смысл может быть присвоен и изначально "неполитическому" объекту, ставшему частью политического текста, ассоциированному с каким-то конкретным политическим субъектом или ситуацией и поэтому "наделенному правом" означать эту ситуацию или субъект. Инвестиция политического смысла в яркий и узнаваемый (достаточно универсальный) символ часто используется в информационных кампаниях и в организации массовых действий, поскольку позволяет моментально идентифицировать сторонников, обеспечить взаимное узнавание и контекста, и участников коммуникации, и способствует выполнению двух важнейших функций политического капитала – репрезентации группы и мобилизации ее коллективной воли.

"Политический" формат представления политического текста также существенно упрощает задачу его идентификации – особенно в тех случаях, когда сам субъект не ассоциируется с политическим полем (например, актер или спортсмен) либо обладает множественной идентичностью. Представление текста в форме воззвания, манифеста, общественной или политической инициативы, не говоря уже о постановлениях, распоряжениях, протоколах, положениях и прочих формализованных инструментах, правом издавать которые наделены далеко не все, позволяет легко идентифицировать текст, призванный мобилизовать, репрезентировать группу или закрепить ее статус. Нужно учитывать и формат "площадки", платформы коммуникации, социально оформленного места действия – конгресс, саммит, сессия, собрание, конференция, демонстрация, митинг и пр.

Наконец, имеет значение и сама риторика, применяемая в тексте: темы сплочения, мобилизации, объединения, исключения, вступления и присоединения, демонстрации группы и репрезентации ее интересов в конкретной политической сущности, а также доказательство либо оспаривание эффективности выполнения этой сущностью своих политических функций – преследует ли субъект свои личные или узкогрупповые интересы либо же защищает интересы всей группы, которую он представляет, является ли он выразителем интересов данной группы или же не имеет права (по каким-то своим качествам и взглядам) претендовать на то, чтобы стать ее воплощением, – указывают на политический характер коммуникации.

Конструирование политического текста и реконструирование его смысла

Конструирование политического текста выполняет три основные функции: конструирование (структурирование) социального порядка, демаркация социального пространства, чьи интересы представляет политический субъект (не обязательно речь идет об обозначении "своей" области социального про-

странства, таким же образом можно провести атаку на границы политической репрезентации другого субъекта), мобилизация коллективной воли для проведения определенного действия.

Публично представлять политический текст может как сам политический субъект (политик, коллективный актор или его представитель), так и субъект символического производства – журналист, идеолог, ученый, общественный деятель, деятель культуры.

Согласно модели коммуникации С. Холла и его последователей, кодирование политического текста можно выполнять с позиций доминирующей идеологии, оппозиционной или согласованной – и точно так же декодирование (реконструкцию смысла) текста можно реализовывать с позиций доминирующей, согласованной или оппозиционной идеологии.

Любой текст воспринимается субъектами в условиях когнитивной неопределенности. Участники коммуникации "узнают" текст как политический, распознают его идеологию, прочитывают смысл и содержание в контексте соответствующего диспозитива, который становится основой для квалификации субъекта производства текста, выбора релевантной логики его интерпретации и реконструирования смысла. При этом участники коммуникации опираются на статус субъекта производства текста, институциональные характеристики площадки представления текста (т.е. признают ее политической платформой или общественным пространством), на формат и специфическую риторику, знаки и символы (в том числе взятые из актуального контекста).

Для конструирования текста и реконструирования его смысла крайне значимо структурное положение участников коммуникации – их позиция не только в поле символического производства (и связанный с этим символический капитал), но и связь субъекта с полем власти, его непосредственная интеграция во властные отношения (например, прямая поддержка конкретной политической силы или обладание политическим постом) либо знаки, позволяющие судить о поддержке определенной идеологии (например, формат кодирования – доминирующий, согласованный или оппозиционный). Важно учитывать, что вовлечение субъекта производства смыслов в отношения власти существенно ограничивает долю людей, которые признают за ним право на символическое определение и объяснение социального порядка, однако возможна и взаимная конвертация этих капиталов (например, бывший государственный деятель может стать авторитетным экспертом, а популярный журналист – войти во власть, получив большую часть голосов). В той или иной степени политическая или идеологическая идентификация текста и субъекта его производства необходима для формирования достаточного интерпретативного контекста и апелляции к характеристикам и интересам репрезентуемой группы.

Реконструируя смысл текста, участники коммуникации не только интерпретируют его "непосредственное" значение, но и прочитывают стратегии "автора" (имеется в виду собственно политический субъект, индивидуальный или групповой) по установлению своего символического порядка и изменению структуры поля власти, опираясь на собственные диспозиции восприятия, обусловленные их положением в этом поле, и учитывая возможные изменения структуры и угрозу своему положению. Создаваемый участниками политической коммуникации корпус интерпретаций также воспроизводится на доступных площадках и с помощью каналов коммуникации, воспроизводит собственное символическое представление социального порядка, а также позволяет реализовывать различные коммуникативные стратегии – к примеру, поставить под сомнение конкурирую-

щие представления, обесценить их значение, подвергнуть сомнению выбранную логику обоснования, извлечь наиболее яркий символ и поместить его в обесценивающий или иной смысловой контекст и пр. Кроме того, будучи произведенным, текст становится доступным не только в актуальном событийном контексте, но его можно "извлечь" и реинтерпретировать в том случае, когда происходит новое событие, укрепляющее или подрывающее символическую картину обосновываемого социального порядка, делая процесс реконструирования, реинтерпретации и ремедиации политического текста практически бесконечным.

Субъекты политической коммуникации – и производящие, и интерпретирующие, и выполняющие ответное действие (коммуникативное или политическое) одновременно погружены в структурный контекст (отношений власти и символического производства) и событийный. При интерпретации текста и выработке последующих действий они следуют коммуникативным стратегиям, утверждая свой символический порядок и право на репрезентацию какой-то части социального пространства, мобилизацию коллективного действия – и, соответственно, предотвращая или оспаривая аналогичные действия конкурирующих субъектов.

DOI: 10.17976/jpps/2019.04.04

FACTORS AND JUSTIFICATION OF RECONSTRUCTING MEANING OF POLITICAL TEXTS UNDER CONDITIONS OF COGNITIVE AND INTERPRETATIVE UNCERTAINTY

E.S. Fidrya[1]

[1]*Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, Russia*

FIDRYA, Efim Sergeyevich, Cand. Sci. (Soc. Sci.), Vice-Rector for Social Communications, Associate Professor at the Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, email: EFidrya@kantiana.ru

Fidrya E.S. Factors and Justification of Reconstructing Meaning of Political Texts under Conditions of Cognitive and Interpretative Uncertainty. – Polis. Political Studies. 2019. No. 4. P. 40-56. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.04

Acknowledgements. The study has been supported by a grant of the Russian Science Foundation (research project No. 18-18-00442 "Mechanisms of sense formation and textualization in social narrative and performative discourses and practices").

Received: 17.03.2019. Accepted: 22.05.2019

Abstract. In this article, political text is treated as a construct for expressing one's viewpoint on the events of political landscape; creating a certain effect on different groups of society with an aim to encourage collective will and actions; as well as representing a collective interest. Types of structural and situational factors (including structural balance of social and political groups, cultural and symbolic space, participants of a communication, and their resources recognized by a society) and the way they influence the recipient's interpretation of a text's message are shown. Stuart Hall's Model of Communication, possible ways of coding and decoding both text content and ideological principles of an author and audience are described and discussed. It is noted that, due to the fundamental features of social communication, both authors and recipients find themselves in a situation of constant cognitive and interpretative uncertainty. Whereas situational factors do not distort the meaning but contribute to its construction and further interpretation, the structure of participants, their resources, and the context of communication is accomplished. This article explores the process of text construction and its meaning's further reconstruction as an active process, in which an agreement is reached between communicative participants on the meaning of their own piece of text and its cultural, social, structural, pragmatic and political contexts, produced by the subjects under the condition of uncertainty. The model reflects the process and factors of text production and perception of its meaning. It is revealed that the interpretation of the meaning of political texts, and the position of participants of communication, depends primarily on claims that they possess social and political capital as resources that ensure the encouragement of collective will and representation of interests. The role

of dispositives (as a context of communication) that allows the regulation of cognitive uncertainty and which define appropriate ways of qualification is shown. The article also describes the model of the process of text construction and meaning reconstruction with cultural, social, structural, pragmatic and political context being taken into account as well as the role of political texts in communicative strategies of political actors.

Keywords: political text, uncertainty, political communication, justification of worth logics, political capital, dispositif.

References

Boltanski L., Thévenot L. 2006. *On Justification: Economies of Worth*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 390 p.

Bourdieu P. 1991. Political Representation: Elements for a Theory of the Political Field. – Bourdieu P. *Language and Symbolic Power.* Ed. by John B. Thompson. Cambridge: Polity Press. P. 171-202.

Dequech D. 2003. Uncertainty and Economic Sociology: A Preliminary Discussion. – *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 62. No. 3. P. 509-532. https://doi.org/10.1111/1536-7150.00226

Gaman-Golutvina O. 2018. Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. – *Historical Social Research*. Vol. 43. No. 4. P. 141-163. https://doi.org/10.12759/hsr.43.2018.4.141-163

Hall S. 1980 [1973]. Encoding, Decoding. – *Culture, Media, Language. Working Papers in Cultural Studies, 1972-1979.* London: Routledge. P. 128-138. https://doi.org/10.1075/z.184.211hal

Keller R. 2012. Entering Discourses: A New Agenda for Qualitative Research and Sociology of Knowledge. – *Qualitative Sociology Review*. Vol. 8. No. 2. P. 47-75. URL: http://www.qualitativesociologyreview.org/ENG/Volume22/QSR_8_2_Keller.pdf (accessed 25.05.2019).

Ross S. 2011. The Encoding/Decoding Model Revisited. – *International Communication Association Conference*, Boston, 26-30/5.

Thévenot L. 2002. Conventions of Co-Ordination and the Framing of Uncertainty. – *Intersubjectivity in Economics.* Ed. by Fallbrook Edward. London: Routledge. P. 181-197.

Boltanski L., Thévenot L. 2013. De la justification: les économies de la grandeur. (Russ. ed.: Boltanski L., Thévenot L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sociologii gradov*. Moscow: NLO).

Bourdieu P. 2004. Soziale Ungeichheiten. (Russ. ed.: Bourdieu P. Formy kapitala. – *Zapadnaya ekonomicheskaya sociologiya: hrestomatiya sovremennoj klassiki*. Ed. by V.V. Radaev. Moscow: ROSSPEN. P. 519-536).

Bourdieu P. 2005. Espace social: champs et pratiques. (Russ. ed.: Bourdieu P. *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki*. Saint Petersburg: Aletheia; Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii)

Bourdieu P. 2007. Sociologiede l'espace social. (Russ. ed.: Bourdieu P. *Sociologiya social'nogo prostranstva*. Saint Petersburg: Aletheia; Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii).

Gaman-Golutvina O. 2016. Political Science as a Metadisciplinary Matrix. – *International Trends*. Vol. 14. No. 1. P. 86-94. https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.7

Geertz K. 2004. The Interpretation of Cultures. (Russ. ed.: Geertz K. *Interpretaciya kul'tur*. Moscow: ROSSPEN).

Radaev V.V. 2003. The Concept of Capital. Forms of Capital and Their Conversion. – *Social Sciences and Contemporary World Journal.* No. 2. P. 5-17. (In Russ.)

Fidrya E.S. 2011. Social Practices and Devices of Uncertainty Socialization. – *IKBFU's Vestnik*. *Ser. The Humanities and Social Science*. No. 6. P. 107-115. (In Russ.)

Литература на русском языке

Болтански Л., Тевено Л. 2013. *Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов*. Москва: Новое литературное обозрение. 576 с.

Бурдье П. 2004. Формы капитала. – *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики*. Под ред. В.В. Радаева. Москва: РОССПЭН. С. 519-536.

Бурдье П. 2005. *Социальное пространство: поля и практики*. Санкт-Петербург: Алетейя; Москва: Институт экспериментальной социологии. 567 с.

Бурдье П. 2007. *Социология социального пространства*. Санкт-Петербург: Алетейя; Москва: Институт экспериментальной социологии. 288 с.

Гаман-Голутвина О. 2016. Политология как междисциплинарная матрица. – *Международные процессы*. Т. 14. № 1. С. 86-94. https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.7

Гирц К. 2004. *Интерпретация культур*. Москва: РОССПЭН. 560 с.

Радаев В.В. 2003. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. – *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5-17.

Фидря Е.С. 2011. Социальные практики и устройства социализации неопределенности. – *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. № 6. С. 107-115.